

Трюм круизного лайнера

Спустилась ночь. В убогой каюте на самой нижней палубе с потолка уныло капала вода.

За стеной располагался общий туалет. Вентиляция здесь практически не работала, и вонь стояла удушливая. Те немногие молодые пассажиры, что ютились на нижнем ярусе, не имея денег на каюты с видом на море, давно сбежали наверх — топить тоску в алкоголе. Сейчас они наверняка ластились к портовым девкам в пивнушках, не планируя возвращаться до утра.

— Командир? — сквозь темноту прозвучал тихий голос. Худощавый молодой человек кивнул вошедшему.

— Чисто? — шёпотом спросил Пэй И.

— Всё проверено. Жучков нет, здесь мы в безопасности часа на три.

— Отличная работа, А-Цзэ.

В слабом лунном свете лиц было не разглядеть, но силуэты мужчин, стоявших бок о бок у стены, казались почти неразличимыми — один рост, схожее сложение, даже очертания скул совпадали. Разве что фигура Пэй И в профиль выглядела более подтянутой: изгиб спины и бёдер выдавал скрытую, опасную силу, точно у обнажённого клинка.

Его напарник рядом смотрелся идеальной парой к этому оружию — изящными ножнами для столь же грозного лезвия.

С верхней полки свесилась круглая, задорная физиономия Фань Гао:

— Матушка моя, А-Цзэ! Это ты?

— Я тебе не матушка, прикуси язык, — ледяным тоном отозвался Чжун Цзэ.

— Да я в хорошем смысле, братишка! Костюмчик на тебе — улёт. Красавчик, почти как наш командир. — Младший Фань ухмыльнулся во весь рот. При этом на его подушке тускло светился экран планшета с электронной картой, где он непрерывно отслеживал перемещения целей.

— Ну серьёзно, со спины вас вообще не отличить, — добавил Фань Гао.

— Да ладно? Одинаковые? — Не Янь, устроившаяся на нижней полке под Фань Гао, принялась брезгливо выковыривать из-под своего пышного платья поролоновые накладки пятого размера.

Выбросив три пары фальшивых грудей, она разом лишилась внушительных объёмов и заметно постройнела. — Я наблюдала, как ты бежал, А-Цзэ. В профиль обман сразу вскроется. У тебя сзади всё плоское, как доска, а у командира задница упругая, загляденье. И заметь, безо всякого пороллона.

— Нахрен мне упругая задница? Перед кем мне ею крутить? — процедил сквозь зубы Чжун Цзэ.

— Как перед кем? Перед командиром, конечно, — развёл руками младший Фань. — Не нам же на неё любоваться.

Не Янь не выдержала и прыснула со смеху.

Чжун Цзэ был слишком молод для таких разговоров. Смутившись, он отвернулся в темноту и промолчал, мысленно пообещав себе по возвращении на базу не вылезать из спортзала и замучить тренажёр для ягодиц.

Кругом свистел ветер, пахло кровью, нервы были натянуты до предела, но в такие моменты разум, наоборот, сковывало холодным оцепенением. Мысли и тела превращались в отточенные детали отлаженного механизма, беспрекословно подчиняющиеся приказам. Словно и не было только что смертельной опасности. Посмеявшись, оперативники снова погрузились в молчание.

— Да какая вообще разница, у кого какая фигура? — Пэй И стянул пиджак и вдруг помрачнел. — Хоть в шмотках, хоть голышом — один чёрт. Когда в постели гаснет свет, а у мужика адреналин бьёт по шарам, ему плевать, кого драть. Хрен он разницу почует.

В комнате повисла тишина.

На Пэй И и Чжун Цзэ были надеты одинаковые тёмно-зелёные клетчатые костюмы и туфли на босу ногу. В полумраке тесных лабиринтов лайнера, под аккомпанемент бешеного пульса и погони, издалека их действительно было невозможно отличить друг от друга.

— А я ведь надеялся, что он поймёт, — тихо, с затаённой обидой проговорил Пэй И. — Думал, почует неладное, пока гнался за А-Цзэ. Если бы он хоть что-то заподозрил, то не полез бы в эту мышеловку... Но нет. Не признал.

Он горько усмехнулся:

— Сгори он дотла, я бы его прах по песчинке из общей кучи собрал. А я ещё даже сгнуть не успел, как он меня уже не узнаёт. И после этого у него ещё повернётся язык упрекать меня в жестокости? Сказать, что я безжалостная тварь и растоптал наши чувства?

Его голос, слегка гнусавый от сдерживаемых слёз, прозвучал одновременно в наушниках и в сыром полумраке каюты. Казалось, заговорили сразу двое: один — вслух, другой — где-то глубоко внутри.

Лунный свет дробился на грязном полу. Очередная волна качнула корабль, разбивая зыбкое очарование момента.

Пэй И вдруг ткнулся лицом в плечо стоявшего рядом напарника, ища тепла. От неожиданности Чжун Цзэ шарахнулся в сторону и с глухим стуком приложился затылком об железную раму двухъярусной кровати. Бедолага лишь стиснул зубы, чтобы не взвыть от боли — увернуться от объятий командира всё равно не удалось. Пэй И сгрёб его, словно плюшевого медведя, и принялся остервенело тереться покрасневшими глазами о его плечо.

Ранее А-Цзэ уже допытывался у командира, почему бы просто не похитить Босса Чжана и не упрятать его в безопасное место. Мол, так он точно не сможет провернуть сделку с Неоянковским, и дело с концом. Пэй И тогда лишь отмахнулся:

— И зачем мне его связывать? Если я заперу Чжан Шаочи и сорву ему все планы, он же от злости лопнет. Заработает гипертонию и до конца дней будет клясть меня за предательство. К тому же мы лишимся ценнейшего источника информации! Нет уж, пусть Чжан-цзун гуляет на свободе. Он должен постоянно оглядываться, но иметь полную свободу действий. Мне нужно увидеть, какую карту он разыграет следующей.

Устранение Вольфа Туфа лишило противника сильного бойца, припугнуло Илью и одновременно вбило клин между ним и Боссом Чжаном. Один выстрел — три зайца. Смерть Вольфа Туфа окупилась сполна.

По крайней мере, из личной охраны Неоянковского, его «Трёх великих ваджр», в строю остались лишь двое. Пополнить ряды головорезов посреди открытого моря беглому олигарху теперь точно негде.

Пэй И ловко подцепил одну из выброшенных Не Янь поролоновых чашечек и, ухватив Чжун Цзэ за ремень, притянул парня к себе.

— Сейчас сделаем тебе идеальный тыл!

В то же мгновение ладонь командира скользнула по бёдрам напарника, заталкивая двойной поролон ему под брюки. Ставший жертвой беспардонного домогательства А-Цзэ вспыхнул и уставился на него с выражением лица человека, который мечтает немедленно вызвать полицию. Не Янь и Фань Гао беззвучно давились от смеха.

События минувшей ночи для Пэй И были делом житейским — просто вычеркнул имя одного ублюдка из списка живых, не дожидаясь решения суда. Куда сильнее его пугал грядущий рассвет. С первыми лучами солнца вскроются старые раны, которые он так тщательно прятал

под замком. Осколки прошлого, которые уже никогда не склеить, вновь зашевелились на дне души.

Остывшие воспоминания, утраченная страсть...

Кто же знал, что появление в море этого грязного судна сокрушит плотину и поднимет со дна похороненную бурю.

Тем временем за тысячи километров отсюда, в главном здании Шестого специального отдела, вовсю кипела работа. Окна штаб-квартиры светились посреди ночи яркими огнями. Молодые офицеры в строгих тёмно-синих костюмах и галстуках с сосредоточенными лицами пересылали шифровки и спешно доставляли папки с документами в кабинеты руководства.

Невидимые глазу зашифрованные радиоволны, несущие в себе важнейшие данные, летели по секретным каналам связи в терминалы спецслужб всех стран-участниц МКИА. На экранах компьютеров то и дело вспыхивали тревожные уведомления, окрашенные в цвета уровней опасности.

[ШИФРОВАННОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ ШТАБ-КВАРТИРЫ МКИА]

[Разыскивается особо опасный преступник: Илья Мороз Гогенцоллерн Неоянковский]

[Пол: мужской. Возраст: 36 лет. Гражданство: отсутствует (этнический русский, изгнанник). Статус: вооружён и крайне опасен. Красный бюллетень категории «А»]

[Пять дней назад подозреваемый был замечен в порту Барселоны, где заложил взрывное устройство. На данный момент его местонахождение не установлено. Согласно аналитическим данным, маршрут его бегства пролегает через порты Средиземноморья или круизные линии. При себе может иметь запрещённое к изготовлению и продаже химико-биологическое оружие под кодовым названием «Смертоносная сигара». Объём и концентрация вещества неизвестны]

[Получены сведения, что подозреваемого сопровождает захваченный им гражданин КНР, специалист по химико-биологической защите. Предположительно, имеет место похищение. Состояние заложника и место его удержания в настоящий момент не установлены]

[Разыскиваемый вооружён тяжёлым армейским оружием и имеет при себе неустановленное количество токсичных веществ. Существует прямая угроза жизни заложника. Подозреваемый обладает потенциалом для совершения теракта с массовыми жертвами. Чрезвычайная угроза]

Три красные депеши, точно кровавые потёки, залили экраны мониторов. В конце последнего сообщения, сразу за словами «Чрезвычайная угроза», мигал предупреждающий знак в виде

двойного треугольника, указывающий на высший класс опасности.

Запах пороха и крови из взорванного порта Барселоны, стоны искалеченных невинных жертв — всё это словно просочилось сквозь холодный пластик дисплеев и застыло на сетчатке оперативников алыми строками шифра, бросая вызов чести тех, кто поклялся защищать закон и порядок.

Парижский штаб МКИА экстренно разослал секретные директивы.

На Сицилии Третий специальный отдел МКИА поднял по тревоге элитные антитеррористические подразделения Южной Европы.

В египетской Александрии Восьмой специальный отдел МКИА вывел в море боевые корабли; оперативники Североафриканской тактической группы замерли в ожидании приказа на перехват.

Элитные силы Шестого специального отдела КНР — Североафриканская оперативная группа А (НАФ-А), Североамериканская оперативная группа Б (НА-Б) и Южноевропейская оперативная группа А (СЕ-А) — в полном составе вылетели в район проведения операции. Ловушка захлопывалась, оперативники уже были в пути.

Утро. Каюта Чжан Шаочи

Спустя несколько часов бледный утренний свет скользнул сквозь иллюминатор верхней палубы. Слабые лучи осветили смятую постель и мужчину, который проворочался на ней без сна всю ночь. Новый день обещал принести ещё больше хаоса.

— Доброе утро, мой дорогой босс! Поздновато же вы изволили проснуться. Извольте откусать.

Огромный силуэт заполнил дверной проём. Незванный гость вошёл по-хозяйски, едва не задев головой потолок, и устроился на кровать сверху вниз.

Чжан Шаочи зажали прямо в постели. Он нажал кнопку вызова обслуживания, рассчитывая на стюарда, но вместо этого в его каюту с серебряным подносом бесцеремонно ввалился тип с гнусной физиономией похотливого мерзавца — последний, кого Чжан Шаочи желал бы видеть с утра пораньше.

Илья был одет в облегающий лонгслив, подчёркивающий рельефную мускулатуру. Его длинная юбка пестрела вычурной богемной вышивкой, а подведённые чёрно-золотой подводкой глаза горели зловещим, хищным блеском.

— Это наш Босс Чжан заказывал завтрак? — Илья медленно двинулся к постели, хищно прищурившись и высматривая, не спрятался ли кто под одеялом.

Чжан Шаочи демонстративно откинул лёгкий плед. Он развалился в самом центре огромной кровати, вытянув свои длинные ноги — прятать ему было решительно некого.

— Завтрак заказывал я, но тебя, блядь, в меню не было, — процедил Чжан-цзун со своим обычным высокомерием.

— Ха-ха-ха! — Сереброволосый гигант разразился хриплым смехом и без приглашения развалился на диване.

Чжан Шаочи скользнул взглядом по накрытому серебряной крышкой подносу. От еды поднимался едва заметный парок, но в каюте почему-то явственно запахло свежей кровью.

— Поведай мне, дорогой напарник, — вкрадчиво начал Илья, — что ты думаешь по поводу того, что моего телохранителя, Вольфа Туфа, ночью прирезали как свинью? А после я собственноручно превратил его останки в фарш. М-м? Каково твоё мнение?

«Что я думаю? Да я эту картину увидел раньше тебя и во всех подробностях».

Чжан Шаочи сохранил абсолютное хладнокровие:

— Твой боец разинул рот и словил пулю от старых врагов. А ты, потеряв лицо от ярости, решил напоследок отыгаться на его трупе? Так всё было?

Илья принялся вертеть на пальце массивный перстень с нефритом:

— А ты неплохо осведомлён, дорогуша.

— Ещё бы, — фыркнул Чжан Шаочи. — О таком только глухой да слепой не узнает.

— У меня сегодня отвратительное настроение, — вздохнул Илья. — Кому мне предъявить этот счёт?

Чжан Шаочи посмотрел на него с нескрываемым презрением:

— Погибни мой человек, я бы проявил уважение к его верности. Выплатил бы семье щедрую компенсацию и устроил достойные похороны в море. А не устраивал бы это скотство.

Илья перестал кривляться. Он вскинул голову, буравя собеседника тяжёлым взглядом:

— Кто это сделал?!

— Откуда мне знать? — парировал Чжан Шаочи.

— Это корыто давно дышит на ладан, и камер тут почти нет, — процедил Илья. — Но на одной из записей в коридоре всё же мелькнул знакомый силуэт. Костюмчик, осанка, причёска... Со спины и в профиль — вылитый вы, Босс Чжан.

— И что с того? — Чжан Шаочи вальяжно закинул руку за резную спинку кровати, не сдвинувшись ни на миллиметр. — Я вышел в море развлечься и заодно обсудить сделку. Я тебе не подчиняюсь, чтобы отчитываться за каждую прогулку по палубе.

— А то, что в подкладке пиджака этого тупого ублюдка Вольфа Туфа нашли жучок! Твой жучок, Чжан! — Илья с размаху грохнул ладонью по стеклянному журнальному столику, едва не расколов его, и швырнул на середину столешницы миниатюрную пуговицу-передатчик.

В глазах Чжан Шаочи на долю секунды промелькнуло замешательство, но он тут же сжал губы, не позволяя эмоциям выдать себя.

Хотя выдавать было нечего. Чёрт побери, что за чертовщина тут творится?

Это устройство было последним словом техники — ультрасовременный микропередатчик, какими пользуются первоклассные шпионы ведущих разведок мира. Если вскрыть корпус, внутри обнаружатся серийные номера и буквенная маркировка партии. Для понимающего человека не составит труда вычислить страну-производителя и дату выпуска.

— Эта игрушка твоя, ты притащил её на судно! — Илья навис над столом. — Может, откроешь вон тот чемодан в углу, Босс Чжан? Покажешь, сколько ещё таких сувениров у тебя припрятано? И вообще, когда тело Вольфа Туфа запикивали в шкаф, там остался шлейф дорогого одеколона. Я этот запах почуял за три коридора! Твой изысканный аромат повсюду, да и физическая подготовка у тебя отменная, мой дорогой китайский друг...

Чжан Шаочи едва не прокусил себе десну от злости. Ему безумно хотелось плюнуть этой сибирской твари прямо в смазливую харю.

Ему не было нужды открывать чемодан, да и обыск бы ничего не изменил. Теперь стало предельно ясно: ночной гость не просто пошарился в его вещах — он обнюхал каждый угол.

Скрывать очевидное не имело смысла: маркировка внутри жучка действительно указывала на его происхождение. И пусть у Ильи не было прямых улик, оправдываться в такой ситуации — только вредить себе. В конце концов, сколько на этом корыте черноволосых китайцев, способных достать шпионское оборудование высшего класса? Выбор невелик.

К тому же эти пуговицы-передатчики лежали вовсе не в чемодане. Он прятал их в обуви. Годами вращаясь среди акул бизнеса, чиновников и скользких дельцов всех мастей, Чжан Шаочи привык подстраховываться. На случай непредвиденных осложнений он всегда держал при себе пару подобных штучек. Они были вшиты в деревянные колодки запасных брендовых туфель, стоявших в шкафу.

У мужчины заломило в висках — возможно, от резкого солнечного света, заливавшего каюту сквозь иллюминатор.

Прошлой ночью, открывая гардероб, он грезил о призрачном силуэте в белой рубашке, исходил нежностью и предавался сентиментальным воспоминаниям. А в это время его драгоценный «ангел» хладнокровно потрошил вещи, выбирая, чем бы сподручнее подставить бывшего любовника.

— Жучок не мой.

— Да неужели? И чей же тогда? Какая птичка обронила его в каюте моего покойного бойца?

— Если я скажу, ты поверишь?

— Дорогой босс, мне нужны веские доказательства. С чего бы мне верить тебе на слово?

— Я мало доказал? То, что я поднялся на твой дырявый таз и ввязался в это дело — уже достаточный залог моей искренности. Но я до сих пор не видел товара. Ты вообще привёз то, за что обещал выручить кучу денег? Или решил просто поводить меня за нос?

Илья сразу притих. Крыть было нечем, и он поспешил сменить тему. Чжан Шаочи мастерски перехватил инициативу, заставив понервничать старого лиса — на этом судне явно велась какая-то своя, теневая игра.

Чжан Шаочи прошёлся босиком по мягкому ковру. Полы его шёлкового халата распахнулись, обнажая рельефный, безупречный пресс. Русский бандит, у которого и у самого фигура была дай бог каждому, невольно уставился на его грудь, медленно оценивая противника взглядом. Наверное, сильные самцы всегда подсознательно соревнуются, оценивая физическую форму конкурента. Чжан Шаочи передёрнуло от мысли, что этот тип может оказаться бисексуалом, не брезгующим ни мужчинами, ни женщинами. После таких догадок кусок в горло не лез.

— Если даже я заметил подозрительную фигуру, а ты, старый хрен, до сих пор хлопаешь ушами, то грош цена твоей хвалёной бдительности, — холодно процедил Босс Чжан, переводя стрелки.

— И кто же это?

— Проверь все записи с камер ещё раз. Черноволосых на борту раз-два и обчёлся. Подумай, кому выгодно мутить воду? Представь себе изнеженного сына из богатой семьи, который привык сорить деньгами и ни в чём не знает отказа. Какого чёрта этот благородный господин в одиночку ошивается на заштатном средиземноморском корыте для среднего класса? Тратит драгоценное время, скрывает мотивы... Тебе не кажется это странным? Неужели ты думаешь, что такой богатенький буратино не способен достать новейшие китайские спецсредства?

Чжан Шаочи с хрустом потянул пальцы, без колебаний подставляя под удар невинного. Сердце в его груди бешено колотилось, но лицо оставалось каменным.

— На его офшорные счета наверняка каплют огромные анонимные суммы, концов не найдёшь. К тому же он на борту явно не один — такую операцию в одиночку не провернуть. Я никогда не поверю, что этот мажор заявился сюда просто поразвлечься. — Босс Чжан изобразил на лице абсолютную уверенность и заговорщически прищурился: — Прошное мутное, цели неясные, мотивы сомнительные. Рожа у парня воровская, точно тебе говорю, замышляет пакость.

Илья, конечно, не принял эти слова за чистую монету, но в его мыслях уже заиграл охотничий азарт. В уме русского мафиози всплыло конкретное азиатское лицо и имя.

— Смотри не облажайся, — напутствовал его Чжан Шаочи. — Тряхани этого сосунка из клана Чжоу. Что он вообще забыл на лайнере? Сколько вел дела в Макао, знать не знал, что у старого Чжоу есть какой-то... приبلудный бастард.

В его последней фразе проскользнула непривычная резкость — укол ревности, истинный смысл которого Илья понять, разумеется, не мог.

«Пустынный Медведь» умчался из каюты подобно урагану, шурша полами своего длинного одеяния. Без сомнения, побежал допрашивать незадачливого молодого господина Чжоу.

Чжан Шаочи опустился на диван, где только что сидел его гость, и долго сидел неподвижно, уставившись в потолок. Он так и не переоделся.

С тихим щелчком замка невидимые клинки взаимных подозрений вернулись в ножны. Опасность миновала. Чжан Шаочи не боялся — подобные интриги не могли вывести его из себя, но на душе было паршиво. словно его окатили ледяной водой, вытащили на мороз, а потом швырнули в грязь, как ненужную тряпку.

«Это ли ты хотел увидеть, паршивец? Расчётливый мерзавец... Ты ведь знал, что в решающий момент у меня дрогнет рука. Знал, что я не выдам тебя, не прикажу связать и вздёрнуть на флагштоке этой чёртовой лохани».

Годы брали своё — он действительно стал мягкотелым.

«Если тебе и суждено когда-нибудь сдохнуть, то только от моих рук. Я сам тебя придушу, но чужакам не отдам. Не смогу».

К тому же связываться с Неоянковским становилось всё опаснее. Если на лайнере нет реального товара для контрабанды, вся эта авантюра — сплошной пшик. Риск огромный, а прибыли — ноль. Проклятье, сейчас больше всего хотелось найти предлог и сойти на ближайшем берегу.

«Но ты ведь придёшь ко мне, мой дикий котёнок. Я буду ждать, пока ты сам явишься на переговоры и озвучишь свои условия...»

Чжан Шаочи уставился на серебряное блюдо, протянул руку и резко сорвал крышку.

Обошлось без оторванных конечностей и зажаренных потрохов. На подносе лежал обычный континентальный завтрак: панкейки, омлет со шпинатом и несколько ломтиков бекона.

Мужчина брезгливо подхватил остывшую тарелку, швырнул её за дверь прямо под ноги охранникам и с грохотом запер замок. Ругать этих бесполезных болванов не было сил. По возвращении он уволит их всех к чёртовой матери без выходного пособия! Если бы не милость «молодого господина Пэя», эти придурки уже разделили бы участь Вольфа Туфа.

Трюм круизного лайнера

Утренний свет просочился сквозь щели, прервав их чуткий сон. Впрочем, спали ли они вообще?

Четверо оперативников лежали на своих полках, безмолвно дожидаясь рассвета.

Время от времени в наушниках раздавался ленивый шёпот — то кто-то бормотал под нос, то Фань Гао обменивался колкостями с Не Янь.

— Шеф, а вы со своим вторым братом ладите? — вдруг тихо спросила Ноль-ноль-один.

Конечно, никто и не думал спать. Все говорили едва слышным шёпотом, используя ларингофоны, чтобы не будить случайных соседей за тонкой перегородкой.

— Вполне, — отозвался Ноль-ноль-ноль.

— Я так и знал! — подал голос Ноль-ноль-три. — Значит, вы просто вешали лапшу на уши этому

бедолаге Чжоу!

Пэй И, лежавший лицом к стене, негромко усмехнулся:

— У нас отличные отношения. Мой Яньян такой лапочка, за что мне его недолюбливать?

— Я ведь смотрел тот фильм! — тут же влез Ноль-ноль-три. — Ваш младшенький — прирождённый актёр, будущий лауреат всех кинопремий. Слышал, у него роман с партнёром по съёмочной площадке, господином Чжуаном. Вся пресса так и гудит.

— Эти слухи ходят уже не первый год, — хмыкнул Пэй И.

Даже обычно невозмутимый Чжун Цзэ, притворявшийся спящим, мгновенно наострил уши. Кто сказал, что суровые оперативники равнодушны к светским сплетням?

Фань Гао приподнялся на локте:

— Так это правда или пиар, командир? Фотографий-то их совместных, чтобы прямо стопроцентное доказательство, никто не публиковал.

— Компромата у меня на них предостаточно, включая весьма нескромные кадры, — весело прыснул Пэй И. — Но я вам их не покажу, это только для личного пользования. А что касается сплетен... Дыма без огня не бывает. У них всё серьёзно, они уже сто лет вместе.

— Ну надо же, — многозначительно протянул Фань Гао, мысленно перебирая терабайты гиковских сокровищ на своём жёстком диске.

— Мой Яньян в каждом проекте снимается только с ним. Вместе играют, вместе продюсируют, вместе зарабатывают миллионы, — негромко, словно обращаясь к самому себе, продолжил Пэй И. — Обнимаются на глазах у миллионов зрителей, открыто демонстрируют свои чувства на красных дорожках... Честно сказать, я им чертовски завидую.

В наушниках снова воцарилась тишина. На этот раз долгая и тяжёлая.

Сквозь помехи в радиоканале пробился тихий, прерывистый вздох — сдавленный всхлип физического томления, какой бывает у молодых и здоровых мужчин в предутренние часы, когда тело изнывает от невольного возбуждения. Из-за сверхчувствительности ларингофона этот интимный звук неизбежно транслировался прямо в наушники остальным.

Шорох в динамиках смешивался с реальными звуками в тесной каюте, создавая странный стереоэффект. Неловкость длилась недолго: оперативники молчали, тактично делая вид, будто ничего не замечают и не понимают.

Пэй И лежал неподвижно, уткнувшись лицом в стену и едва заметно сжавшись под одеялом, чтобы скрыть движения тела и не травмировать психику коллег — среди присутствующих, по слухам, было двое парней, ещё не познавших прелестей плотской любви.

Попытки подавить физиологию лишь затягивали мучение. В какой-то момент мужчина резко согнулся, тяжело и порывисто задышал, силясь справиться с нахлынувшим напряжением... А затем в каюте раздалось несколько глухих ударов. Командир в отчаянии принялся биться лбом о стену.

Не Янь мигом скатилась со своей полки. Она ласково прижала Пэй И за плечо, принялась мягко поглаживать его по спине, стирая проступивший на лбу холодный пот.

— Всё хорошо? Успокойся, уже всё прошло, — прошептала она, бережно привлекая его к себе.

Тот лишь мотнул головой и глубже зарылся в одеяло, не проронив ни слова.

В этой работе невозможно скрыть физиологические порывы, как невозможно утаить и малейшие колебания чувств.

Каждое его слово фиксировалось, записывалось на чипы связи и спустя пару дней ложилось на столы руководства за тысячи вёрст отсюда. Эти рапорты стекались в сверхсекретную базу данных Шестого отдела, пополняя его пухлое, но бесконечно одинокое личное дело.

Он привык к такой жизни — полной адреналина, тайн и ежеминутной опасности.

Его путь был предопределён с самого начала. Личное дело Пэй И в архивах МКИА-6 берёт отсчёт с двухлетнего возраста.

Но он никогда не жаловался и не растрачивал себя на жалость. Пэй И обладал изрядной долей самолюбия. Такой блестящий интеллектуал, красавец и мастер на все руки с дипломом престижного вуза, не выбери он стезю служения родине, наверняка стал бы опаснейшим международным преступником. Ни об одном своём шаге он не жалел.

Золочёные литеры в его досье, строгий тёмно-синий мундир офицера Шестого отдела с серебристо-голубым галстуком, вышитая звезда на нагрудном кармане и блеск зажима для галстука — всё это согревало его душу в минуты одиночества. Настоящие мужские трофеи. Эти сверкающие знаки отличия напоминали, что он занят правым делом.

Пока за его спиной мирно спали города, он шёл вперёд сквозь огонь и кровь. И с этого пути повернуть назад было уже невозможно.